

УДК 811.114

ДНЕВНИК КАК ЖАНР В АСПЕКТЕ ЛИНГВОАТТРАКТИВИСТИКИ¹**В. К. Харченко***Белгородский
государственный
университет**e-mail:
Harchenko@bsu.edu.ru*

Исследование синергетического механизма развития жанра дневника через выявление (а) своеобразия функций дневника, (б) своеобразия содержательных параметров дневника и (в) своеобразия его языкового ландшафта имеет своим следствием анализ жанровой привлекательности ведения дневника, что выводит на проблематику лингвоаттрактивистки. Материалом для анализа послужили дневники писателей и учёных (М. Пришвин, С. Есин, В. Пропп, М. Нечкина и др.).

Ключевые слова: синергетика, повседневность, концепт «я», функции дневника, метафора.

Дневник – это систематическая, последовательная запись происходящих событий с центральной фигурой самого автора текста, осуществляемая для понимания и запечатления личности в системе переживаемых ею событий, с точным указанием даты происходящего и заведомо двойственной адресацией. Дневник будто бы замыкается на себе: по определению его автор и есть его сегодняшний (и завтрашний) читатель, однако в своём подтексте дневник предполагает аудиторию проективно не менее широкою, нежели аудитория художественного текста. Теорией дневника как жанра занимались многие исследователи, что отражено в монографии М.Ю. Михеева [4], где дан добротный обзор сделанного и выстроена концепция дневника как жанра.

Целью данной статьи является подход к дневнику с позиций лингвосинергетики и лингвоаттрактивистки. В последние десятилетия термин «синергетика» стал использоваться представителями гуманитарных наук [1, 2, 3]. Синергетика есть самоподдержание, самокоррекция, саморазвитие систем посредством нелинейных процессов, посредством самостийно зарождающегося из хаоса порядка при обязательном сохранении доли хаоса как условия потенциального развития. Трактовка развития жанров, естественно, не может не опираться на столь плодотворную теорию. Есть еще одно понимание синергетического механизма или синергетики в целом: малые усилия способны привести к большим результатам, пассионарным эффектам. Мы будем рассматривать синергетику в аспекте идеи саморазвития, самовоспроизводства жанра.

Синергетические механизмы жанрообразования в данном исследовании рассматриваются на материале анализа многостраничных дневников современного писателя Сергея Есина: Сергей Есин. Дневники. – М.: Изд-во Литературного института им. А.М. Горького, 2006. – 456 с. (далее Д I); С.Н. Есин. На рубеже веков. Дневник ректора. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. – 638 с. (Д II); С.Н. Есин. Далекое как близкое. Дневник ректора. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2006. – 848 с. (Д III). С.Н. Есин. Дневник ректора: 2005 год // Сергей Есин. Твербуль, или Логово вымысла: Роман места; Дневник ректора: 2005 год. – М.: Дрофа, 2009. – С.237-784. (Д IV). Как жанр дневники индивидуальны, субъективны, что сохраняется даже в ситуации стилистической отточенности, писательского мастерства их авторов. Сергеем Есиным разработан субжанр общественного, публичного дневника, сразу приобретший взрывную популярность, востребованный временем, весьма квалифицированной современной читательской аудиторией, но при этом субжанр фактически не исследованный и, как мы убедимся, для исследования далеко не простой, таящий свои «системные» секреты.

¹ Работа выполнена в рамках научной программы внутривузовского гранта БелГУ.

За счет чего поддерживает себя, существует этот жанр? Концептуальная схема лингвосинергетического исследования дневников такова. Синергетика жанра дневников зиждется прежде всего на сопряжении жанрово уникальных функций, содержательных предпочтений и языковых форм, однако проведенное исследование показало, что параметров здесь несколько больше.

1. Лингвосинергетика дневника как жанра зиждется на своеобразии уникального ансамбля функций: аутопознавательной, летописной, резервативной, стилепонисковой, что отличает жанр дневников от весьма авторитетных жанров художественного дискурса.

Как связана функция самопознания и самопрезентации с синергетикой дневника как жанра? Обратим внимание на эпитет в синтагме: «вяжущая сила самопознания» (И. Кант). Вяжущая – значит процессная, предполагающая продолжение, новые записи, значит текстообразующая, в конечном счете, создающая и поддерживающая традицию и жанр дневниковых фиксаций. Самопознание связано в дневнике с самопрезентацией. Синергетика дневника в рамках самопрезентации поддерживается внутренним позитивом дневника как текста. *«Меня одолевал ужасный пароксизм уныния, но с этой минуты, как я начал набрасывать эти строки, я значительно успокоился и почти развеселился, несмотря на то, что о весёлом мало приходится говорить. И так со мной часто случается. Дневник, играя роль моего поверенного, почти всегда восстанавливает во мне нравственное равновесие. Толкуйте это, как хотите, психологи: это факт»,* – пишет в своём дневнике критик А.В. Никитенко (т. II, с. 489).

Дневник, если не выполняет, то нередко посягает на выполнение летописной функции, недостающей в современных дискурсивных практиках. Экспансия СМИ в повседневную жизнь делает будто бы ненужным личное освещение происходящего. Но какого происходящего? Того, что демонстрируется по ТВ, или того, чьим свидетелем был сам автор дневника? Но и то, что транслируется официальными каналами, не исключает и личных оценок, жанр дневников становится кладезем фактов истории, а история в аспекте её преподавания по мысли академика Р.М. Фрумкиной, как это ни парадоксально, бедна фактами. Приведём некоторые фактографические отрывки есинских дневников.

Факт периода афганской войны: *Рассказывала об афганских мальчиках, которые дают нашим раненым наркотики. Первые два раза бесплатно. Сажает на иглу. (Д I, 75).* Факт меняющегося размера трибуны: *...Как постепенно в нашей жизни росла и совершенствовалась трибуна. Трибуна на XII съезде, этакий топир, и трибуна-агрегат с гербом, с которой Черкасов приветствует Сталина. Незабываемое. Это из моей жизни. (Д I, 123).* Факт: что ставят в театрах и почему: *Я в ответ сказал, что меня тошнит, когда каждый театр ставит Чехова. И уверен, ставят не из чистой любви к нему, а из лени что-либо читать, из стремления «дополнить» конкурента, из мелкоинтеллигентского видения (Д II, 418).* Факт: отношение к старым книгам: *Я часто вижу книги на помойке. Они уходят из нашей жизни. Люди не понимают, что в атмосфере даже просто стоящих на полках книг ребенок растет по-другому. (Д III, 188).* С. Есин приводит слова Зинаиды Гиппиус: записывайте мелочи, крупное не пропадет и без вас. Дневник – масса подобных отсвеченных, запечатленных маленьких фактов, значимых, однако, для равновесного, объёмного понимания большой истории и отнюдь не сырых с языковой точки зрения, что гарантирует долгую жизнь дневнику. Следующие две функции резервативная (оставить на запас, записать, чтобы не забыть) и стилепонисковая касаются дневника писателя как хранилища некоторых заготовок и дневника (не только писателя!) как мастерской стиля. Дневники предполагают черновики, не обработанность текста, сам факт их создания – школа писательства как фиксации происходящих событий.

2. Лингвосинергетика дневника как жанра зиждется на своеобразии жанровой формы: дискретность, фрагментарность, сочетающаяся с протяжённостью, незавершённостью, «романностью», пластикой текста.

Дискретность, фрагментарность дневникового содержания, с одной стороны, и общую протяжённость, романность – с другой, легко проиллюстрировать не связанностью фрагментов, отсутствием плавных переходов при ежедневной повторяемости тех же тем, последнее и создает впечатление романности дневника.

3. Лингвосинергетика дневника как жанра зиждется на своеобразии жанрового содержания: повседневность, злободневность, концепты «ego», «семья», «работа», «творчество».

Этот пункт касается своеобразия дневниковой концептосферы с центральным концептом «ego». Но здесь исследователя дневников С.Н. Есима поджидает парадокс: именно быт, именно повседневность, включая выполнение служебных обязанностей, сопровождаются, во-первых, текстовым напряжением, которое мы исследовали в свое время применительно к романам писателя [5]. Во-вторых, повседневность в дневниках расцветается микроэвристикой, когда писатель выступает иногда еще и как исследователь окружающего. Это проявляется в дневниках Л. Толстого и М. Пришвина, Ж. Ренара и В. Проппа. У С. Есима в дневнике сама процедура оценки исследования сопровождается неожиданным заключением: *Я думаю, эта страсть к исследованию близка страсти «присвоения». Открыть – это не только перекрыть чужое знание своим толкованием, но и приобщиться.* (Д. I, 109).

4. Лингвосинергетика дневника как жанра зиждется на своеобразии языковых структур: оценочная лексика, настоящее актуальное, вкусовая сенсорика и др.

Привычка лишает выбора, – пишет в своём дневнике М. Пришвин. – Привычка – это паутина: её выпускаем мы из себя, ею опутываемся и ничего не видим, даже рядом с собой из своего кокона» (т. 8, 277). Итак, четвёртый пункт, таким образом, касается своеобразия языковых структур. В лингвосенсорике это, например, характерное для дневника перечисление (только перечисление!) блюд при описании поездок, хождения в гости. *Фуршет был очень неплох, опять-таки со вкусом: салат из свежих овощей, несколько блюд с запечённой в сметане картошкой, холодная баранина на тонких рёбрышках и две большие красные рыбы, кажется, лосось, запечённые в фольге* (Д IV, 290). В лингвориторике дневника своеобразие языковых структур – это, например, финальные афоризмы, неожиданные, как и положено быть афоризмам. *С другой стороны, я знаю, что всегда молодёжь пробивалась трудно, и имя возникает из мелочей, постоянного напора и работы.* (Д I, с. 411). В лингвопоэтике своеобразие дневниковых языковых структур – это, например, свежесть «бытовой», «повседневной» метафоры. *Он пожилой человек. Утро. Долгий туалет. С каждым годом машина запускается всё труднее.* (Д I, 9). Точность есинского эпитета «долгий» здесь поразительна: за этим словом виден целый сценарий выполнения утренних действий, и тут же метафора: машина запускается все труднее. Интерпретацию старости писатель одаривает свежей образностью: обычное утро сравнивается с разогревом машины. В другом дневнике для интерпретации старости писатель находит другой, но не менее выразительный образ: *Полный рабочий день выдерживаю уже с трудом. Может быть, это связано с тем, что уже двенадцать лет по-настоящему, как положено, как рассчитано для человека, ведущего преподавательскую деятельность (56 дней), не отдыхаю. А может быть, и возраст постепенно накрывает своим серым крылом...* (Д IV, 368). Обратим внимание, что в дневниковом микросюжете (утро пожилого человека), или микрорассуждении (отдых преподавателя), или метафоре отводится финальный аккорд, и это характерно и для других тематически замкнутых фрагментов дневника. Далее, писатель выстраивает свою собственную дневниковую интонацию за счёт, например, риторических повторов: *Писал ли я, что перед поездкой в Иваново был на комиссии по культуре МК? (Д I, 185). Писал ли, что все время чувствую за спиной шелест недоброжелательства? (Д I, 269). Писал ли я, как на 100000 рублей меня «наколото» земство? Я внёс за аренду зала и они мне пока не вернули. (Д I, 274). Отметил ли я, что вчера в СП видел Сашу Сегеня? (Д I, 323).* Таким образом, в рамках общежанровой концепции дневниковой синергетики можно регистрировать блоки индивидуально-авторских предпочтений.

5. Лингвосинергетика дневника как жанра подпитывается взаимодействием с другими дискурсами (публицистическим, художественным) и жанрами (записки, мемуары, очерки, романы, эссе). Пятый пункт: взаимодействие с другими дискурсами и жанрами в принципе можно не иллюстрировать, но здесь наблюдается одна сложность, подстерегающая жанр опасность. Дневник и подпитывается языком со стороны других дискурсов и жанров, и... разрушается, размывается как жанр, если присутствие инодискурсивного языка превышает порог допустимого. Как только писатель увлекается публицистическими включениями, дневник утрачивает дневниковые свойства, свою привлекательную непосредственность, социальную не заданность. Это имеет место у С.Н. Есина в Д IV, Д III (перепечатка многочисленных фрагментов авторских публикаций из газеты «Труд»). *Вместе с тем реминисценции и аллюзии парадоксально не размывают дневникового жанра. «Достигли, наконец, и мы ворот Мадрида». Пишу в гостинице в Кабуле. (Д I, 73-74). ...Видимо, уже нажито определенное количество идей и наблюдений. Если б молодость знала. (Д I, 141).* Русской языковой личности настолько свойственно снабжать высказывание признаками гипертекста, что отсутствие их, например, в дневниках М. Пришвина скорее приближает дневник к области художественного в целом, нежели обилие реминисценций в дневниках С. Есина (художественность в частности, инкрустациях, фрагментах).

6. Лингвосинергетика дневника как жанра зиждется на презумпции управления жизнью путем её личной интерпретации. Дневник не может не выступать как жанровая форма самовоспитания, настройки на большую работу, самоподстёгивания ослабевшей воли. Процедура аутокоррекции состыкуется с требованием аутолозунга, формулы поведения, с возникновением метаэвристического лозунга для внутреннего пользования. *Сегодня написал письмо А.Д. Дементьеву – главному редактору «Юности», достаточно злое, но потом отослал письмо полегче. Собственные обиды надо уметь переживать внутри. (Д I, 54).* Когда мы говорим про аутокоррекцию, то имеем в виду исправление от худшего к лучшему, от незнания к знанию, но работа над дневником, дневниковая параллель жизни способна раскрыть и синергетические механизмы творчества вообще, когда автор, например, радостно регистрирует в дневнике, что роман «пошёл».

Управление жизнью в дневниках Сергея Есина – это не только подстегивание собственной воли, но и обрисовка других вариантов жизни (например, в искусстве старения, в отношении к членам семьи). Поскольку такой материал чужд дневнику и не допускает пластического развёртывания, телеграфным стилем перечисляются узловые моменты. Здесь важно и то, что объектами рассмотрения оказываются зарубежные интеллигенты. *[О правнучке Пушкина] Опять – 80 лет, удивительно бодрая, генетическое здоровье, несмотря на диабет. Еще водит машину. Буду ездить до 85, а уж там, как получится. Квартиру подарил племянник, поэтому «платит лишь 1600». Шьёт, переписывается, вяжет на 2-х вязальных машинах. Жизнь как радостный дар: у меня очаровательные внуки, был очаровательный муж, очаровательные правнуки. (Д I, 264).* *Самое невероятное здесь, как и везде в Китае, масса людей, но никто никому не мешает (Д IV, 400).* Такие «иноземные свидетельства» весьма полезны отечественному социуму.

Дневник как жанр потребовал от его автора, писателя, максимально сложной проработки записей дня, «сырого материала», но такая ответственная проработка в свою очередь определяла и функционирование, и развитие жанра, и распространение преимуществ воздействия дневникового текста на уровне, во-первых, литературы как практической и позитивной психологии, во-вторых, литературы как практической и позитивной социологии.

Синергетическая модель дневникового жанра хорошо объясняет устойчивость жанровой формы дневников, востребованной как потенциальными создателями дневников, так и читательской их аудиторией, всегда оказывающейся на порядок больше изначально прогнозируемой автором, что связано с эффектом доверия к дневнику.

В последние годы получила импульс развития такая область психологического знания, как аттрактивистика, занимающаяся проблемами привлекательности текстов и прочих культурных феноменов. Поскольку мы опираемся на показания языка, представляется более уместным использовать термин «лингвоаттрактивистика», подчёркивающий проекцию на показания языка при констатации того или иного проявления притягательности, привлекательности текста. На основе проведённого исследования дневников писателей М. Пришвина², С. Есина, учёных В. Проппа³, М. Нечкиной⁴ попытаемся увязать синергетику дневника как жанра с лингвоаттрактивистикой, «верно» отвечая на вопрос, в чём состоит выигрыш автора дневников. Этот выигрыш, ощущаемый и ведущими дневник рядовыми носителями языка, определяется следующими параметрами лингвоаттрактивистики.

1. Дневник, как это хорошо регистрируется в дневниках писателей и ученых, есть полнота отражения повседневности в триединстве насыщенной профессиональной деятельности, творчества и бытовых семейных обязанностей «Пуще всего бодрись перед близкими!» – наставлял себя писатель Борис Шергин. Философия повседневности, величие в наблюдаемом бытовом составляют привлекательность дневниковой манеры изложения. М. Пришвин: *Утешило письмо от женщины под 40 лет, чистое и воодушевлённое, как у девочки в 17 лет. Женщины нередко посылают мне такие письма, как будто рождённые ими дети ещё не всё и им ещё остаётся родить настоящего, единственного и последнего, ни на кого не похожего. Эта девственность про запас сохраняется у чистых женщин до глубокой старости...* (т. 8, 639).

2. Дневник как жанр привлекателен стереоскопичностью, тонкостью и оригинальностью (неожиданностью, эвристичностью) оценочных включений, за счёт чего создаётся своеобразное текстовое напряжение [5]. Приведём запись от 28 октября 1893 г. из дневника Жюлья Ренара: *«Какой нужен талант, чтобы писать в газетах!»*. В.Я. Пропп, вернувшись от дочери, пишет дома в своём дневнике: *У неё музыкальный голос, светящиеся глаза, живые движения. Она необыкновенная умница, и это сразу видно во всём. Только умные люди могут быть так всегда приветливы»* (Дневник старости, 309).

3. Дневники привлекательны отсутствием демонстрации депрессии, уныния, слабости в раскладе собственных успехов и неудач. Конечно, свидетельства слабости в дневниках есть, но есть и выработанные по мере использования жанра дневника приёмы самоподдержки, в следующем контексте – с прицелом на будущее. Милица Нечкина 21 июня 1920 г. пишет в дневнике: *Вчера и сегодня я удивительно счастлива. Слов и названий этому нет. Это счастье напряжённого, светлого научного творчества. Любовь, ненависть, отчаянье – всё описано людьми: в прозе, стихах, запечатлено на полотне, изваяно в мраморе, а счастье мысли, счастье научного творчества – нет. В письме Эрлиху я писала, что хотела бы написать такую книгу (резервативная функция дневника). И тут же молодая исследовательница истории наставляет себя: Я не знаю, надолго ли, и не надо знать. Если даже потом наступит час расплаты, надо запомнить мне, забывчивой, что за такие дни можно платить дорогою ценой (Отечественные архивы, 1997, № 6. – С. 57). Дневник открывает потаённую процедуру шаманства, заклинания «его». Известный литературовед и фольклорист В.Я. Пропп не столько констатирует, сколько «заколдовывает» своё состояние в идеальном варианте: *Я опять верю в свою работоспособность, в то, что моя инфернальная усталость обратима и что и в 70 можно быть бодрым»* (Дневник старости, 322).*

² Пришвин М.М. Собрание сочинений. Т. 8. – М.: Худ. лит., 1986. – 759 с.

³ Пропп В.Я. Дневник старости. 1962-196... // Russian Studies. Ежеквартальник русской филологии и культуры. 1995. – № 3. СПб. – С. 300-350.

⁴ Нечкина М.В. «Когда я буду великим человеком... очень пригодятся мои тетради...» (Из личных дневников академика М.В. Нечкиной) // Отечественные архивы. – 1997. – № 6. – С. 42-92.

4. Дневники привлекательны книжностью, изысканностью стиля и слова, что проявляется в дневниковой метафорике и афористике. *Привычка лишает выбора, – пишет в своём дневнике М. Пришвина. – Привычка – это паутина: её выпускаем мы из себя, ею опутываемся и ничего не видим, даже рядом с собой из своего кокона» (т. 8, 277).* Языковой ландшафт дневников отличается от романного ландшафта. Те же фенологические, погодно-пейзажные зарисовки в дневнике проще и короче. Ср. у М. Пришвина: *10 января. В Москве крыши беленькие, а улицы чёрные (т. 8, 575).*

5. Дневники писателей и учёных включают образы известных людей с особенностями их поведения, что не всегда «вычитается» из других источников. Так, автор дневников С. Есин регулярно пребывает в качестве участника и наблюдателя в центре столичного бомонда, и дневниковые записи пестрят именами собственными, небезызвестными читателю.

6. Дневники Сергея Есина привлекательны трансляцией политических событий в собственном восприятии и в проекции на повседневную социологию.

7. Дневники привлекают возможностью соотнесения написанного с недавними событиями, весьма памятными адресату-читателю. Так, дневники Сергея Есина дают возможность глазами автора увидеть ещё раз терракт на Дубровке, соотнести свои переживания.

8. Дневники писателей и учёных привлекательны щедрым присутствием книг, информацией, что читается, что обсуждается, что вспоминается, а всё это добавляет мажора к повествованию, даже если упоминаемые книги «грустны». В.Я. Пропп делится своим наблюдением: *Литература сильна тем, что вызывает острое чувство счастья. И Гоголь велик не тем, что осмеивал Хлестакова и Чичикова, а тем, как он это делал, так что мы до сих пор дышим счастьем, читая его. В этом всё дело, не в том, что, а в том, как. А счастье облагораживает, и в этом значение литературы, которая делает нас счастливыми и тем помогает нам. Чем сильнее поучительность, тем слабее влияние литературы (Дневник старости, 326).*

9. Дневники привлекательны «многосерийностью», большими объёмами написанного. Многостраничные дневники Л. Толстого, М. Пришвина, Ж. Ренара, С. Есина срабатывают, как в настоящее время срабатывают эффектом на продолжение телесериалы, серии книг. Серийность стала характерной чертой производства выпуска даже детских игрушек, наклеек, пазлов и пр. Здесь есть проекция на присущий человеку инстинкт собирательства. Не исключено в плане дневников писателя или учёного, что социум заинтересован в летописце событий и продолжающейся его «летописи» при всей заведомой субъективности авторской манеры.

10. Дневники привлекательны уважением к подсознанию, отсутствием или почти полным снятием иерархии важного и неважного, крупного и бытовой мелочи. Здесь нередко на помощь приходит оригинальная метафора, как в дневнике М. Пришвина, например, о ветках и листьях, которые спорят... *И в лесах во время ветра постоянно даже слышать можно удары и стоны, подобные человеческим. Но корни растений всегда молчат в глубине земли, и всегда заняты делом, и никогда не дерутся между собой, как идеи-листья между собой: корни, даже в самых трудных случаях, огибают друг друга... (т. 8, 454).* Метафора в дневнике становится средством диалога с подсознанием автора, выполняя терапевтические функции.

11. Наконец, дневники писателей и учёных восхищают «технологичностью», высокими технологиями наблюдений: как руководить вузом, как учить будущих писателей, как подавать себя в одежде, выступлениях, как сочетать быт и творчество, творчество и службу, наконец, как вести летопись происходящего, сберегая факты, оценки и выводя формулы поддержки. С. Есин: *Теперь моя задача – все свои переживания обменять на новый роман (Д IV, 560).* В.Я. Пропп: *Моцарта надо играть без педали – он писал для клавирина. Каждый звук есть событие и требует своего исполнения (Дневник старости, 310).*

Изучение дневников в аспекте лингвоаттрактивистики важно не только для развития современной жанрологии или теории языкового позитива. Наблюдения над лингвистикой привлекательности текста даст возможность по-новому взглянуть на богатства современного русского языка, заложенные в будто бы незатейливых ежедневных записях событий, с одной стороны, и на возможность возвращения к письменному тексту «о себе» потенциальных авторов – наших современников, с другой.

Список литературы

1. Алефиренко Н.Ф. Поэтическая энергия слова: синергетика языка, сознания и культуры. – М.: Academia, 2002. – 394 с.
2. Высоцкая И.В. Лингвистика XXI века: синергетическая парадигма // Res philologica: Ученые записки. Вып. 4. – Архангельск: Поморский университет, 2007. – С. 52-55.
3. Кушнина Л.В. Взаимодействие языков и культур в переводческом пространстве: гештальт-синергетический подход. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. – Челябинск, 2004. – 33 с.
4. Михеев М.Ю. Дневник как ego-текст. Монография. М.: Водолей Publishers, 2007. – 263 с.
5. Харченко В.К. Теория текстовых напряжений и художественная проза С.Н. Есина // Научные ведомости БелГУ. – 1998. – № 2 (7). – Белгород, 1998. – С. 54-60.

DIARY AS A GENRE: LINGVOATTRACTIVISTIC ASPECT

V. K. Kharchenko

Belgorod State University

e-mail:

Kharchenko@bsu.edu.ru

This study presents the synergetic mechanism of the development of diary genre. The analysis of diary functions, its content and language reveals the attractiveness of diary genre for its authors and readers. The sources include diaries of famous writers and scientists, such as M. Prishvin, S.Yesin, V. Propp, M. Nechkina.

Key words: lingvosynergetics, everyday life, concept "Me", functions of diary, metaphor.